

БЛАЖЕННЫЙ ИОАНН

МИРРОВЫЕ МОЩИ

СВЯТАЯ ЕВФРОСИНИЯ
(1916-1993)

*Житие блаженной старицы
времен брежневщины, прославленной
Богом нетленными мироточащими
мощами, написанное ею самой*

Предисловие

Жития не пишутся о живом ближнем. Это где-то там, в паноптикуме — мартирологи, мартирии, жития...

Евфросиния написала мне больше двадцати писем. Имел небрежность под влиянием полагаемого мной тогда духовным братом ее тайного ненавистника затерять их. И вот по почте приходит житие, написанное ею самою: в дешевой школьной общей тетрадке в клетку, химическим карандашом огромными буквами — четкий почерк учительницы.

Блаженная старица не укладывалась в лекало святой матушки, преподносимое фарисеями. Ее житие, написанное ею самою, вызвало у меня неоднозначные чувства. Гонители ее наказывались один за другим: кого кондрашка хватила, кто сторел заживо в собственном доме, у кого речь отнялась. О своем избранничестве говорит

без особой скромности: «Дух Святой на нас четверых, а больше никого в мире нет». Мир ее непростой: лукашки, побои, гигантские коты, постоянная брань на псалтыри.

По прочтении мне показалось, многие сочтут ее житие безумством, дзеном, многое не поймут. Теперь считаю иначе. Почерк Евфросинии уникален. Стиль предельно лаконичен. Никакому Эрнесту Хемингуэю или Сэмюэлю Бекету, известным любителям однословных предложений и лаконичных речевых оборотов, не удалось бы передать силу ее свидетельства одним росчерком пера, как подавалось ей.

Бог прославил старицу так, как не прославлял больше ни одного подвижника в XX веке. Мощи святой Евфросинии благоухают. На месте мощей постоянно происходят чудеса. Продолжаются мироточения, ее явления многим и исцеления. Школа матушки начинает торжествовать в Хорватии, Японии и Америке, как если бы она пребывала здесь во плоти или сошла по второму сроку.

В последнем откровении она называет себя одной из двенадцати малых богородиц из свиты Пресвятой Девы, т.е. рождающих Христа во внутреннем нашем — по слову Павла: дети мои, я снова в муках рождения, доколе не изобразится в вас Христос. (Гал.4:19)

Евфросиния никуда не уходила. Ее нетленную плоть положили в пещеру. Гроб ее замиро-

---

точил клейкими небесными маслами, и вся матушка просияла небесной радостью небожительницы.

Я не знаю, был ли в православии подобный опыт автобиографий святого. Мироточивый Нил оставил свои откровения спустя, кажется, 400 лет после своего исхода из этого мира. Иоанн Лествичник оставил только руководства для монашеской жизни. Богословские записки Серафима Саровского зацензурированы так, что едва ли в них осталось что-нибудь от оригинала, помимо унылой феофановской канцелярщины. Иоанн Кронштадтский прославляет исключительно Бога. Патриарх Тихон не оставил по себе ни строчки.

Счастлив и благодарю Бога за то, что открылась возможность услышать голос самой старицы.

Считайте, дорогой читатель, она написала это длинное письмо, адресуя его Вам. Считайте себя ее современником, ее чадом. Считайте, что Вы хотя бы несколько дней клали с ней поклончики в притворе Почаевской Лавры, покоились у ее мощевитых ноженек в соломенном шалашике, покрытом остатками серо-пепельной толи.

Матушка зажигала свечу жаждания Святого Духа. Против свечегасов и удушителей Духа

горела она великой ревностью о Господе и несла на себе печать истинной Его ученицы.

Самое незабываемое и яркое о ней впечатление — блаженная Евфросиния несла Дух Самого Господа. Ученику ее открывалось, как много искусственных привнесений, чуждого духа, как много в христианстве такого, чего Спаситель не благословил бы, чего никогда не сделал бы Сам.

Я не опубликовал житие матушки в ее земные дни. Неловко. Не благословляла. Но по ее житию написал книгу «Евфросиньины мытарства». Теперь, спустя много лет после нашей земной разлуки и уже небесной встречи с мирровыми маслами на трапезном столе и чудесными молитвами из Царствия, считаю необходимым опубликовать этот уникальный документ: житие мироточащей святой, написанное ею самою в земные дни незадолго до кончины (за 2 или 3 года, где-то в 1990-1991 году).

Читатель будет иметь возможность сличить почерк и язык Евфросинии с ее посмертными откровениями и убедиться в их полной идентичности.

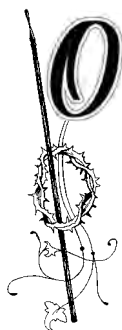
Житие
св. Евфросинии

ИКОНА РАБОТЫ О. АРТЕМИЯ (ТУТУНОВА)

---

*Житие блаженной
стафида Евфросинии,
написанное ею самой*

Один мирской священник благословил написать свое житие.

Родилась в 1916 г. (в бане) на Петра и Павла в семье подпоручика. В три года думала о смерти. Говорила себе: все умирают, и я умру, — тогда пряталась куда-нибудь и плакала горько. Выплакавшись досыта, говорила: все умирают, а я никогда не умру. Потом собирала игрушки, игралась, плясала.

Была любимая отцом. Род его добрый. Многие в светлых местах. Отец подолгу молился, читал Евангелие, Библию. Он служил кем-то при храме. Восемь человек детей, а я одна у ног его, как Мария у ног Спасителя, впитывала каждое слово.

В партию отец не пошел. В колхоз не пошел — хозяйство все забрали, остались на улице. В 1921 г. отца три раза водили в лес рас-

стреливать. А мы, восемь человек детей, бежим за ним и плачем, кричим. Поставят к дереву — и винтовки на него, потом скажут: ну ладно, ради этих детей не расстреляем. Что было в доме, все забрали. А когда в 1923 забрали золото у людей, на нас тоже кто-то заявил ложно, что у нас есть золото. Отца забрали и трое суток держали то под горячим, то под холодным душем. Пришел домой больной. А во время ежовщины ночью забрали в тюрьму, да в войну и умер там от голода. Милосердный был.

Род матери — лукавый. Я их не любила. Сестра дважды сделала шкodu, а на меня сказала: меня дважды побили.

В шесть лет возненавидела неправду и тех, которые ее говорят.

Старший брат (очевидно, уже познавший зло) меня ненавидел. Когда я молилась или выполняла уроки, бросал мне в лицо или в голову палочки. И так он мучил меня ежедневно. Решила — лучше умереть. Залезла на печь, легла и перестала дышать. Очнулась от того, что на меня лили холодную воду и качали на простыне.

На Пасху была в храме. Кто-то видел и предал меня в школе. Была лучшая ученица из всей школы. Память необыкновенная. Разобрали на общественном собрании и предупредили: еще раз — и выгоним из школы.

Оставила любимую церковь. Отец отпорол два раза ремнем, а нужно было двадцать три отпороть.

В седьмом классе учитель русского языка попросил прийти к нему за школьными тетрадками. Пришла, а он почерпнул в кружку воды, попил и меня заставил выпить. Причаровал. Влюбилась. Он был старше меня, и трое детей у него. Жена умерла.

Родители были в ужасе, плакали, не благословили. Ушла сама. Ревновал ко всем, бил. Боялась его и никогда не смотрела на людей, а всегда в землю. Когда я ни просыпалась — он всегда не спал. Очевидно, работал надо мной. Часто стала болеть.

В восемнадцать лет сновидение: слышала голос необыкновенный Спасителя, Который говорил: «Ты рождена талантливой, счастливой, но ты теперь вступила в брак, и потому несчастна и умрешь, не дожив свой век, в годовой праздник».

Работала учительницей. Жила в Бога отвергшей стране и ей служила. Иногда приходилось и против Бога говорить.

Умерла дочь семи лет, и я сильно плакала. В двадцать восемь лет снова слышала тот же голос: «Ты несчастлива оттого, что не веришь в Бо-

га. Молись Богу, и счастье придет к тебе». Кому сказать? Окружало сатанинское общество. Врачи, учителя, инженеры.

Прожив с этим колдуном три с половиной года, ушла с ребенком. Нигде не давал покоя: ублю. Много меняла из-за него школ. Однажды ночью разбил окно, ворвался в школу и уже замахнулся на меня большой железкой. Закричала. Рядом со мной жила директор школы — она выскочила и позвала людей. Его крепко побили, и отстал от меня.

В церковь не ходила, не молилась, и Господь быстро мне воздал. Заболела ангиной, осложнение на сердце, водянка, гипертоническая болезнь, щитовидка, почки, печень, ревматизм с полиартритом.

Изъездила все клиники, институты. Около тридцати раз лежала в больницах и институтах. В одной больнице девятнадцать раз, меня уже звали «штатной». От систематического высокого давления кровь лилась из ушей.

Врачи сказали: будешь умирать, — а я твердо сказала: нет, я не умру.

На выборы голосовать не пошла. Пенсию сняли. Обрушилась милиция. Курсанты школы милиции практиковались на мне, как на преступнице, допрашивали по два-три часа, пока кровь пойдет из носа.

Ездила по бабкам-колдуньям, насажали бевсов. Стало еще хуже. Милиция хотела посадить,

как тунеядку. Уехала в Таллинн к знакомой учительнице. В дороге простыла. Опухла щека, положили в больницу. Надо резать десну. Говорю: будет кровопролитие, надо снизить давление. Не послушали. В десять часов утра разрежали — кровь сначала каплями, а потом струей. В девять вечера потеряла сознание. Восемнадцать процентов гемоглобина. Три недели проходила, держась за стенки. Квартиру «пролечила», жить негде и не на что.

Взяла одна бедная женщина в сарай. Хлеб давала мне, а иногда картошки или фасоли. Стала ходить в церковь.

Написала сорок девять жалоб на получение жилплощади. Вызвали в Киев, в ЦК партии, и посадили в тюрьму, как бродягу. Месяц сидела — и все бродяги стали молиться.

На суде прокурор говорит: давай мы тебя положим в психбольницу и судить не будем. Говорю: вы и так меня не будете судить. Господь дал такую мудрость, что когда я говорила, в зале все плакали, а четыре милиционера — навзрыд. Прокурор, который предлагал психбольницу и хотел выступить в качестве обвинителя, выступил защитником. Говорил: ее надо освободить, невинного человека, а посадить секретаря ЦК. Советского учителя, инвалида второй группы, живущего в сарае полтора года без пенсии, которая просила шесть квадратных метров жилплощади —

собачью конуру — и вместо помощи посадили в тюрьму!

Освободили на второй день Пасхи. Прибежала во Владимирский собор, упала перед Распятием и рыдала.

Пришла к бабушке, у которой остановилась. Там много было верующих, меня оплакивали, искали по всем больницам, и никто не подумал, что я в тюрьме.

Когда врачи сказали: будешь умирать, твердо сказала: не умру. И поехала в Почаев. А оттуда в Иловицу к схиигумену Амфилохию. Благословил читать псалтырь, а у меня его нет. Одна раба Божия дала мне псалтырь за фотографию с распущенными косами. Никто не учил, сразу стала читать.

Помолюсь дней десять-двадцать, восстанут (бесы) — еду в Почаев, в Почаеве восстанут — еду к нему (Амфилохию).

Поехала в пустыньку женского монастыря. Ночью читала Иисусову молитву и «Богородице Дево». А монашки бегают по коридору, лезут в печки, гремят, стучат. Несколько ночей помолилась, приходит игуменья: прекрати мне ночные молитвы, ты нам спать не даешь, мы все на послушании. А у меня слезы брызнули из глаз, мне так хочется молиться. Прошло два дня. Пришла из храма и стала читать Евангелие Страстям, а мне голос свыше: «Ежедневно». Приходит игуменья и говорит: тебе мало того,

что в храме молилась? — Мало. — Тогда убирайся.

Жировицы

Поехала в Жировицы. Благословили жить при монастыре. Ночью вычитала псалтырь, а на другую — выключили электрические пробки: спи.

Одна женщина говорит: у меня в лесу есть хатка. Не боишься? — Нет.

Отвела меня, я обрадовалась: много икон, есть пища. Молись. Помолилась три дня. Вечером поздно приходит мужчина и бьет сапогами в дверь, и кричит: открывай, открывай! Вскрикнула к Матери Божьей, Архистратигу. Отогнали. Утром вышла идти в храм, а меня бесы сдавили — ни вскрикнуть, ни вздохнуть не могу. Метров четыреста прошла без единого вдоха. Уже падаю в грязь, умираю... Вскрикнула: Ма... Мих...³ — он как начал рубать. Поднялась и прихожу в храм — батюшки и матушки всплеснули руками, говорят: жива.

Корецкий

Поехала в Корецкий женский монастырь. Помолилась. Знаю, что мне в храмах, монастырях места нет.

Под храмом Иоанна Крестителя прочла вечерние, положила поклоны ангелу: разбуди на молитву. В монастыре все загремело. Выбе-

---

³ Ма[терь Божия], Мих[аил архангел.] — Ред.

гают двенадцать монашек и начали лопатами перекидывать уголь с места на место и призывать бесов на меня. Думаю: не сойду с молитвы. А они с лопатами бегут прямо на меня. Схватила сумку, прибежала в парк, закончила молитву, уснула мало под кустом. Утром побежала в храм, а они просят прощения, и каждая хочет что-то дать. Всем прощаю. Ничего не надо.

Кишинев

Пригласили в Кишинев. Поехала. Пришла пораньше в собор, чтобы почитать акафисты. Зашла за собор, на травке встала на колени, читала акафист Спасителю. Пришел сторож: здесь молиться нельзя, позову милицию. Приходит староста: прекрати, нельзя тут молиться, открою храм — и молись там. Снова сторож: вот у нас есть комнатка — иди и помолись. Открыл дверь и пихнул меня к овчарке: страшная, с теленка. Встала на задние лапы и хотела броситься на меня, а я: да воскреснет Бог! — она так и опустилась.

Сухуми

Помолилась Вечерню, а ночь где? Рядом школа, полутора метров забор, перелезла. Сарай, уголь. «Мамочка, мне же помолиться надо». Смотрю: деревянный щит. Помолилась. Уснула немного — и в храм в два часа ночи. Восстал диавол. Пошла в парк, залезла в колю-

чий кустарник. Помолилась и уснула. Вечером стою в храме, подошла монашка: пойдём, почитаешь псалтырь по страннику, тебе все равно ночевать негде. Пошла. Почитала. Три часа ночи — ляг, отдохни. А сами несколько замков включили. Бесы сжали. Ухожу, а она закрыла калитку и говорит: никуда не уйдешь, здесь и останешься.

Полчаса просила — открыла и стала поливать водой и призывать злую силу. Подняла всех собак города. Залаяли страшно. Хожу по городу. Дома частные. Калитки закрыты. Собаки. Нашла государственный дом. Подвал, грязь, вода. Под лестничную клетку клееночку подложила, постелила: ангеле Божий, разбуди. Отдохнула. Утренние почитала, побежала в храм.

Афон-гора

Как стяжала Духа Святого, Евфросинию даже не вспомнили. А приехала на Афон (не был день Евфросинии), а батюшка вечером на каноне стал поминать: преподобная мать Евфросиния, моли Бога о нас. Я даже устыдилась.

Один раз ночью помолилась возле храма — и шла по воздуху до монашеского кладбища. Бесы ревели во всех домах, а люди выбегали, лили помой мне под ноги, хватали косы и косили траву, топоры — и рубили дрова.

Приду куда-либо, в доме помолюсь день, два, три, бесы ревут и выходят, и в доме уже мир, и люди дают молиться, так не избивают.

На Новом Афоне идет группа отдыхающих, душ пятьдесят: матушка, помолись, не можем уехать, билетов нет. Помолилась и пошла купаться на источник Симона Кананита. Идут бабка и дед, страшные колдуны, призывают. Встала на стекло, обрезала палец, кровь фонтаном. Источник вмиг окрасился, как раз возле того камня, где апостола перерубили, и моя кровь пролилась. И никакого страха. Попросила Матерь Божию: останови. Платком завязала, пришла домой и говорю бабке: палец обрезала. — Покажи. Развязала, а кровь фонтаном полилась, вмиг — лужа. Бабка упала: иди в поликлинику, умрешь. Пошла. Там развязала, и то же самое. Медсестра испугалась. Один килограмм ваты наложила, а кровь сквозь вату бьет, говорит: иди, ложись, а ногу вверх, и не поднимайся. Завтра Воздвижение Животворящего Креста, а я буду лежать? Поехала за десять километров в храм Нины, просветительницы Грузии. Через десять дней развязала — ничего нет, зажило.

Четыре ночи молилась у Иверской иконы Матери Божией, а внизу село. Оттуда стреляли в меня, пули иногда через голову летели, а у меня никакого страха.

На Афоне помолились на Вечерне. К священнику: мы хотим причаститься завтра. А батюшка говорит: садитесь в машину. Отвез в другой город, в два часа ночи высадил на площади: тут есть храм, и причащайтесь. Куда идти? Кричу к Царице — устроила.

Львов

Народу много, говорила проповедь. Обрушился на меня один, он на священника учится, оскорблял всякими словами. Народ разогнал. А на Престольный праздник мученика Георгия прислужники храма дважды прогнали за ворота, а потом вызвали милицию — укрылась.

Мария из Львова приехала в Почаев. Дает мне ключ от квартиры: поезжай ко мне, помолишься, искупаешься, постираешь. Обрадовалась. Легла отдохнуть, а мне сон: их трое, сидят за столом и говорят: «Телом слаба. Нам и делать с ней нечего» (у нее была черная магия). Проснулась. Мозг работает, а рта не могу открыть, вскрикнуть к Матери Божией, Архистратигу. Групп. Кое-как встала, автобус рядом, села и приехала в храм на Вечерню. Посидела, утром причастилась. Выхожу из храма, а душа затрепетала и выходит. Сознание потеряла и упала на лестнице. Когда падала, почувствовала, что кто-то помолился за меня.

Бог знает, сколько я лежала, люди подняли. Завтра Успенье. Села на автобус — и в Почаев.

Почаев

Ночью в сарае, стоя на коленях, тихонько спивала тропарь Успенью тысячу раз. Готовилась к смерти. В четыре часа утра закончила и какой-то силой, не знаю во сне или наяву, была перенесена в Калининград к родным. Говорю им: знаете, зачем я пришла к вам? — Не знаем и знать не хотим. — Тогда я вам и не скажу (хотела попрощаться). И очутилась в Почаеве, в том же сарае. Попросила хозяйку приготовить одежду на смерть, говорю: буду умирать, — а сама еле-еле пошла в храм, чтобы еще причаститься. Ноги мои не шли, а люди тянули меня до Причастия. Три недели ходить не могла, люди водили. Молилась и сидя, и лежа — ожила.

Пенсия — двадцать рублей. Моя пища — кусочек хлеба, две картошки в мундирах и святая водичка. Ночлег — сарай, чердак, подвал, лес, кладбище, лестничная клетка. Три года жила в сарае, на чердаке. Лестница плохая, а возле нее топоры, лопаты, вилы, косы, серпы — все дьявольское оружие.

Встану в двенадцать часов ночи на молитву, а там столько замков включено, что хрящи на шее трещат, кровь из носа. Беру подстилку и на стадион. Мороз двадцать пять-двадцать шесть, снег по колено, а я постелю тряпку — и поклоны. Мне тепло, хорошо. До трех часов выложу и бегу на монашеское кладбище с ога-

рочками свечей — возле могилы схиигумена Амфилохия вычитать пол-псалтыря, и лечу на Полунощницу. В храме снова замки. Кровь из носа. Наберу один-два платка, а потом пью и из храма не выйду.

За восемнадцать лет мои ноженьки никогда не разувались и чулочки не снимались. А ночь мне — день, а хозяйка за три года даже кружки воды горячей не дала. А постель — немножко соломы, клеенка, в осеннем пальто так и спала. Шесть раз горела. Иногда останусь в сарае читать псалтырь с огарочками от свечей, поставлю свечу на ящик — уснут. Один раз ящик сгорел, уже сарай горит — ангел разбудил. Все потушила, ящики горелые вынесла, новые поставила. Если узнает хозяйка — выгонит. А потом батюшки: ну, Евфросиния, надо тебе кельечку построить, — и построили возле Троицкого храма. Хотели духом убить. Я ночью псалтырь, а они возле забора работают. Утром встаю, а они и шапки позабыли, валяются на земле. Полтора месяца пожила, не смогли убить, разломали келью. Пошла снова в сарай, где жила двенадцать лет. Крышу новую железную пробили, а я жива.

Бегу приложиться до чудотворной иконы, которую на лентах спускают, а сзади женщина как проведет мне по талии двумя руками — отошла два метра и упала. Снова

умираю. Со мною была моя мать духовная Евдокия, со Святым Духом. Она меня подняла, положила в сторонке и молилась сорок минут, и я ожила.

Ясная Поляна

Поехала в Ясную Поляну, к прозорливой матери Евдокии. Попросилась к одной женщине ночевать. Пустила, а сама ночью работала надо мной. Утром проснулась — в доме никого. С сердцем плохо. Поднялась выйти и в коридоре упала, потеряла сознание. Пробила голову.

Очнулась в больнице на операционном столе. Открыла глаза: меня окружают стриженные, безволосые женщины, которые от зависти всю жизнь меня оскорбляли за волосы («кодунья», «отняла от ста женщин на свою голову», «как у лошади хвост», «как у коровы хвост», «она их носит ради мужчин», бросали в спину картошкой, огурцами), и первая мысль — обстригут волосы, а они у меня были метр шестьдесят, две косы в руку толщиной, золотистого цвета.

Мы будем резать волосы. — Не дам! — Тогда умирай.

Кровь фонтаном. Я на столе подплыла кровью. Со слезами прошу: отстригите поменьше, только возле раны. — Сколько надо, столько и отрежем. Одну третью часть отрезали. Залилась слезами. Сотрясение мозга. Три недели в больнице.

Великий пост

Схиигумен Амфилохий: ко мне. А два лаврских священника: куда, в лавре.

Прилегла уснуть. Снится мне сон: дают комнату мне — два на два метра. Надо посмотреть, что это за комната. Встала и пошла в Иловицу, где он жил. Помолилась три недельки, приезжает страшная женщина, высокая, до потолка, и с большой палкой. Я читала псалтырь. Она стукнула по столу кулаком и говорит: я приехала тебя убить и убью, тут и останешься. Три дня была у батюшки и всегда повторяла эти слова. Он взял палку и говорит: я тебя, ведьма, сам убью, — и стал бить ее палкой и выгнал за калитку.

Весь пост молилась, хорошо себя чувствовала. На Пасху батюшка говорит: отдохни, Евфросиньюшка, ты крепко потрудилась. — Нет, я не устала. А на второй день Пасхи стояла на молитве, сердце схватило, падаю, говорю: умираю... Он послушал и говорит: сердце на волоске, иди скорее ляг. Духа Святого еще не имела и не знала этих людей. Пригласила к себе ту львовскую чернокнижницу, и вторая такая же у моей хозяйки, и хозяйка знала плохое слово (как позднее Господь открыл мне). Когда я уснула, они работали надо мною. Прележала пять дней. Смерть наяву большим молотком отбила мне руки, потеряла сознание. Слышу голос свыше: «Матерь Божия Сама тебя исцелила». Через

несколько дней поднялась, а сердце вместо семидесяти раз билось двадцать пять в минуту. Ноги холодные, руки тоже. Еле-еле передвигалась, как двухсотлетняя старуха.

Приходит к хозяйке та женщина, которая говорила «приехала тебя убить», и с нею страшный мужчина. Позвали меня. Выхожу, а они всплеснули руками: жива!

Прихожу к Амфилохию, а он говорит: Евфросиния, ты на волосок была от смерти. Стала читать псалтырь, три кафизмы прочла и сомлела. Отмолилась, говорю. Поехала в Почаев сделать елеосвящение и причаститься. Подхожу к игумену Георгию (со Святым Духом): благослови. А он: готовься к будущей жизни. Мне стало неприятно. Сделала. Приезжаю к Амфилохию, он также говорит: готовься к будущей жизни. А я твердо сказала: я не умру. Ночью встала на колени и стала читать «Богородице Дево» по триста раз. Неделю почитала по триста, а в воскресенье — восемьсот раз. Легла спать, а мне сновидение: много людей стоят нагнувши спинки, и голубь летает — до каждого прикоснулся, а не сел, а на меня сел меж лопатками. А люди закричали: смотри, Евфросиния, на тебя сел и не слетел, ты теперь будешь исцеляться. Встала. Свет в глазах, радости — не рассказать. Пошла по воздуху. И тут же мне Господь открыл, что весь мир — колдуньи и чародеи, и мне страшно стало жить. Че-

тыре раза за время литургии меняла место. Весь мир — и батюшки, и матушки обрушились на меня.

В этот же день на «Иже херувимы» батюшка Сергей включил замок по-чародейски, и до сего дня в храме замки. На почту пришла — замки, в автобусах — замки, в домах и сараях. К Матери Божией чудотворной подхожу приложиться, а батюшка ее поднимает, просфору хочу взять — деньги и бумажку спихнут на пол, свечи не продают, водичку от Стопочки не дают. Батюшки бегут и хватают за голову.

Сатана тут же поставил ко мне бабку. Я кладу поклон, а она ткнет пальцем мне в спину — лежу и не могу подняться. Недели две мучила меня. Кричала, плача навзрыд, к Архистратигу Михаилу и слышала грозный голос его: если будешь ее искушать — поражу. Очевидно, это и бабке было. Бросила хатку, сбежала из Почаева, через три года появилась. На ее место поставлен был Петро, в коем их шестьсот шестьдесят шесть. Во время службы целовал замок, крестом себя осенить не мог. Когда он пытался это сделать, враг выпрямлял его руку, и он ломал ее. Не отходил от меня. Пройдет — не только молитву отнимет, но и равновесие. И всегда говорит: свалится твоя голова, не будешь так молиться. Один раз ударил по голове кулаком, а в

руке, очевидно, камень. Гуля с кулак. Осенила нагрудным крестом. Литургия кончилась, а у меня ничего нет.

Одна тяжело больная врач Нина пять раз била палкой. Говорила проповедь. Диакон пихнул три раза, я упала и вытянулась. Монах бил за проповедь. Иду от иконы чудотворной. Тяжко больная литовка три раза ударила по лицу. Иду от Причастия — эта литовка снова ударила три раза по голове.

Стою в храме. Часы читают. Какая-то женщина ни за что стала бить кулаками по голове. Иду на Полунощницу — женщина, которая подметала возле храма (она говорила, что с двенадцатиглавными беседует, падала мне в ноги: погибаю, молись за меня, — и я молилась на псалтыри), схватила толстую новую ореховую палку и всю ее поломала на моей голове. Я вбежала в храм, а она еще стулом хотела по голове, а я рукой закрыла — два пальца на руке три месяца были черные. Вся голова была в больших гулях. С ночи встала — ничего. Эта же самая женщина подпоила троих мужчин убить меня. Под праздник Михаила Архистратига бегу со Всенощной, а они за мной. Вскочила в келью, закрылась. Они стучали в двери: открывай! Залезли на крышу. Кричала к Царице небесной, Архистратигу — отогнали. Она же притащила железный лом и келью разломала. Говорит: по благословию батюшек.

Кладу поклон у Стопочки, а инокиня как дала по голове железкой — искры из глаз посыпались.

Схиигумен Амфилохий говорит: открою монастырь. Сегодня будем строить келью Евфросинии. Она будет игуменьей монастыря.

А сам напился, они его духом посунули. Ни за что стал бить меня палкой, дал палок пятьдесят — вся поломалась на кусочки. Их бил ежедневно, а меня никогда. Всегда говорил: Евфросиния, тебя люблю за молитвы. А потом пятьдесят палок той, которая посунула его на меня. Четыре месяца тело было черное.

За трапезой сказал: Евфросиния, тебе дано десять талантов — молиться за весь мир. А самих закопал: ни на какой подвиг не благословил, только псалтырь читать. За него ежедневно прочитывала псалтырь, а на день Ангела — все Евангелие. А за своих родных не молилась. И кого ни попрошу из батюшек — никто ни на что не благословлял, а только когда радость получила, все идут и благословляют: молись за весь мир. Первый раз помолилась — земля пошла кругом, и чуть не упала, а потом привыкла.

Читаю псалтырь, идет иеромонах Аппелий, схватил: я сейчас тебе его разорву на куски, — и уже смял. Говорю: а у тебя руки не отвалятся, если разорвешь? Схимонах Серафим: дай

мне псалтырь посмотреть. Я прижала к груди. — Убери, или ты ее не увидишь.

Игумен Стефан гонял во время службы по храму: положим тебя в психбольницу, выколю тебе глаза, — и двумя пальцами уже ткнул. Я убежала в другое место.

Сколько поломали свечей на меня — отпевали погребение. Один сфотографировал и зарывал фото на кладбище. Мне было плохо. Выгнали из храма сторожа. Где ни встану на службе, шуркали: ты всем мешаешь молиться, — выгнали в притвор. Говорю: меня и здесь услышит Господь, — а потом на улице. Мороз, снег по колена, а я на улице. А завтра, говорит, и здесь не дам молиться. Наутро прихожу, а его уже нет. Царица убрала.

Много раз водили в милицию: не прописана, — говорят. И действительно, шестнадцать или семнадцать лет без прописки, и Царица небесная хранит меня.

Подхожу к мощам преподобного приложиться, а игумен Ливерий говорит: тебя отлучаю как чародейку. — Слава Тебе, Боже! На сколько? — Пока не раскаешься. Мать Божия и преподобный выгнали его из монастыря, девять месяцев скитался. Поставили другого — архимандрита Севериана. Иду к мощам, а он схватил меня и стал руки выкручивать. При всех

людях говорит: смотрите, как бес боится меня. Многие женщины, видя, плакали. Давали эпитимии, а когда я выполняла, снимать никто не снял. Еле упростила одного, и за то, что снял, до смерти молюсь на псалтыри.

Причастия не дают, а только ложку полизать. Я до Причастия, а батюшка с Чашей в алтарь бежит. В великий пост иду до Причастия, а диакон, который магию имел, ударил меня в грудь кулаком: ты помолилась, а теперь иди, отдыхай. Иду в другой раз, а он пхнул меня от Чаши, а третий раз вырвал у батюшки ложечку из рук и убежал. А Господь мне такую радость послал — иду и улыбаюсь.

Никогда не вставала за артосом, люди больные, боялась. Смотрю, о.Георгий раздает. Постояла немного в очереди, думаю: он же мне и так даст. Столько лет на псалтыри поминала его, лежащего подняла, стал здоров. Прошу без очереди, а женщина как ударила меня по лицу — залилась кровью. А он видел и даже после этого не дал.

Один сказал: пенсию грех брать. Кто ее дает? Бес.

Я не стала. Вышла из храма, села и читаю псалтырь, а люди подходят и кидают мне деньги в подол. За полчаса сорок рублей накидали. Я схватила эти деньги — и к игумену Георгию.

Говорю: вот сколько денег дали за молитву, может, грех — брать? А он: мы же берем за акафист и панихиду. Ты же молишься — и ты бери.

А когда я уже семь лет брала, тогда сказал одной женщине: набрала денег, а теперь не получит великое место, уготованное ей Господом. Трое суток кричала к Матери Божией, много лет молилась, плакала и стала жить на копейки, данные за проповедь.

Все старались спихнуть с пути истинного. Куда ни приду: ну что ты все псалтырь да Евангелие читаешь? На вот книжечку почитай хорошую. А я думаю: буду книжечки читать, придя к Богу в одиннадцатом часу, а грехи носить. Прежде всего грехи отмолю.

Полстраницы Евангелия прочту — и снова псалтырь.

Мама и сестра умерли без исповеди и Причастия. Никто не пошел. Мама три года не причащенная умерла. Думаю: не пойдет она в пекло. Двести шестьдесят псалтырей вычитала. Легонько умирала. А сестра двадцать пять лет без Причастия — во всей области церкви нет. Пошла в пекло — за три года вымолила.

Мукачевский женский монастырь

Поехала. Остановилась у одной женщины. Ходила, молилась. Один раз иду с Вечерни, а ее

сестра схватила за косы и потянула по земле. А потом схватила большой камень и чуть в голову не попала, а потом колодкой, на которой дрова рубят — к кому-то приревновала. Написала в милицию: учительница ходит в церковь молиться Богу и других агитирует. Вызвали. Взяла трудовую книжку, посмотрела и говорит: какие люди подлые! Разве я поверю, что человек пятнадцать лет в школе проработал и будет в церковь ходить?

Пришла в парикмахерскую: отрежьте мне косы. Один мужчина говорит: разве можно такую красоту отрезать? У меня и руки не поднимутся. Со слезами просит: не режь. Пошла в другую парикмахерскую. Одни женщины, все подбежали, готовы отрезать. — Отойдите от меня, я из-за вас их отрезаю. Пошла в третью. Мужчина парикмахер. Стал умолять меня не резать. — Я из-за них из милиции иду, а вчера женщина чуть не убила. Он говорит: такая красота! Ну, если они вам столько принесли горя в жизни, отрежу. Семьдесят сантиметров отрезал. Вышла. Несу в руках, а сама заливаюсь слезами.

Уехала в Почаев и уже никуда не ездила. Буду терпеть. Пошла в лес читать псалтырь. Снег по колено. Сажу на стульчике, читаю, а возле меня кто-то стучит и стучит топором. Думаю, дрова рубит, а у меня нет времени го-

лову поднять. Скоро Вечерня, а я псалтырь не дочитала. Стучал, стучал и ушел. Дочитала, смотрю, а он крест мне двухметровый поставил. Слава Тебе, Боже! Помолилась на него и — в храм.

Город был еще не освящен. Вечерню постою, а где каноны вычитать? В психбольнице горит электричество. Страницы две прочитаю, злым духом услышат и выключат. Бегу под другое окно, и там то же самое. Ищу какую-либо хатку, домик, где горит электричество, бегу туда. А если не вычитаю, бегу на мирское кладбище. Там у могилы воинов всегда горит. Там вычитаю да и ложусь на кладбище. А утренние и вечерние — наизусть. Люди стонут, как помолиться, а я — где бы помолиться. В одиннадцать часов вечера лягу, а в двенадцать уже на молитве.

Один раз на кладбище стала на молитву, а дождь как из ведра. Закричала: Царица небесная, закрой небо! Я под открытым небом, а мне же нужно молиться, — и дождя нет. До трех часов помолилась. Под кустики, сплю. И так за восемь лет никогда не намочила. То в саду монашеском, то в лесу, то на стадионе, то на кладбище. Дождь, а я вскрикну — его нет.

Однажды пошла в монашеский сад. Встала на молитву — ливень. Призываю Матерь Бо-

жию, Илию пророка, всех святых, а дождь — сильнее. А мне Ангел: ты странница и не знаешь, кто такой странник: за восемь лет никогда еще не намокла. Как стала плакать, просить прощения. Стою на молитве до трех часов. У меня рубчика нет сухого. Помолилась, легла. В полпятого встаю вся сухонькая.

А то бегу в какую-либо разваленную хатку или недостроенную и там с огарочком читаю псалтырь. Кончились огарки — под лунным светом. Ложусь на земле. Бегу на раннюю, а после — проповедь. Бабки, монашки кричат: кого вы слушаете? Она — дурная, ненормальная, бродяга, тюремщица.

Читаю псалтырь в монашеском саду, а учащиеся восьмого-десятого классов, человек десять, залезли на грушу, всю ее оборвали и крупными грушами бросали в меня, и ни одна не попала по мне, все мимо.

Полсотни раз в милиции

Смоленск

Поехала в Полоцк поклониться преподобной Евфросинии, а оттуда в Смоленск недалеко — икона Матери Божией Одигитрия. Помолилась. Пошла на вокзал. Поезд не скоро, стала в угол — и псалтырь. Подходит молодежь: что это за книжоночка у вас такая хорошая? — Хвала Богу.

Еще несколько человек подошло — ответила. Подходят шесть человек милиционеров: пройдемте. Говорю: я не боюсь ни милиции, ни полиции, а только Бога и Царицу небесную! Привели: что у вас в сумке? — Книжки, иконы. Сначала смеялись, а потом: расскажи нам Евангелие.

Слушали. Звонят начальнику: мы задержали одну очень интересную богомолку. — Желаю с ней познакомиться. Задержали до утра.

Было одиннадцать часов вечера, а в полвторого ночи мне нужно было поехать. — А теперь разрешите помолиться? — Молись. Вычитала каноны, вечерни, псалтырь — они раскраснелись, кашляют, чихают, вспотели, кители снимали.

В полвосьмого приходит начальник, красивый, образованный человек лет двадцати восьми. Приглашает в кабинет: скажите, что вас заставило так глубоко верить в Бога? Повела о своих болезнях и как врачи сказали: будешь умирать, — а я стала молиться и в течение года была исцелена.

Ну, что я вам пожелаю? Дай вам Господь силу и крепость славить Бога, и приезжайте к нам еще. А правда, красивый у нас собор? А деньги у вас есть на дорогу? Говорю: есть. Спаси вас Господь.

Проехала одну остановку, в Барановичах пересадка. Узнала за поезд, в скверике села, и

снова псалтырь. Окружила молодежь. Три милиционера. Снова — «пройдемте».

Начальник взял сумку и вынул толстую тетрадь, а там письмо о пришествии антихриста. Я: Матерь Божия... — и он положил. — Евфросиния Никифоровна, вы хоть у нас не молитесь. И так, когда идете, все смотрят, обращают внимание: какой-то необыкновенный человек, а когда молитесь, все подходят. Отпустили.

Вильнюс

Поехала домой в Калининград. Везу пять литров Иорданской воды, пятьдесят просфор, сто крестиков. Там во всей области церкви нет. Люди погибают.

Постояла литургию у мучеников Антипы, Евстратия, Иоанна и акафист. Пришла на вокзал. Жду поезд. Подходит бабка: матушка, у вас, вероятно, крестики есть? — Есть. Благословила. А за ней другая и еще десяток. Дают деньги. — Без денег дам, а за деньги — нет.

Снова шесть милиционеров. Спрашивают бабок: за деньги дала? — Так.

Привели. Стали книжки смотреть, а у меня два молитвенника, сестре везла. Один из них как стал просить: подарите, я хочу молиться, а ничего не знаю. Прямо при всех говорит. Другие смеются, а он говорит: по Конституции вера разрешена. Не хочешь — не молись, а я хочу. Подарите — вам сколько грехов простится. Отдала.

Документов у меня никаких. Оформляют в спецприемник, а это значит месяц, пока выяснят, кто и что. Вскрикнула к Матери Божией, мученикам. Сама-то не боюсь, а столько святыхни осквернят!

Все оформили, ведут к майору на подписку. — Молилась на вокзале, — говорит милиционер. — Нет, товарищ начальник. Я поездом к родным в Калининград. Бабка крестик попросила. Я дала. Ну а там и другие подошли. — Вам делать нечего? За что вы забрали человека? — как стукнул кулаком по столу! Сейчас же посадить на поезд! Бабушка, я вас посажу! И на рабочий поезд посадил.

Каменец-Погольский

Батюшка пригласил на Пасху. На вокзале страшно народу. Великая Святая Пятница. Поют, на гармошке играют, гитаре, смеются.

Выступила: люди, вы знаете, какой сегодня день? Господа мучат. Кровью обливается на Кресте! Распяли Его за нас. Прекратите, сидите тихо. Многие за это получили тяжкое наказание — болезни, группы инвалидности.

Рассказала Распятие. Мертвая тишина. Все слушали. Трое милиционеров: пройдемте. — Не боюсь, — снова так отвечаю. Привели. — Бабка, куда едешь? — В гости. На Пасху священник пригласил. — А деньги есть? — На билет есть.

Кременец

Прямо с литургии забрали — и в санитарную машину: сними крест. — Хотя бы ты мне голову положил на порог и топор на шею — не сниму.

Он сразу отскочил. Уборщице говорит: сними. Сняла. Мне: где живешь? — У Иуды чрево развалилось и кишки высыпались за предательство. Думаете, я молюсь, чтобы людей продавать? Смертный грех. Вы и сами их не любите, используете и вытолкнете.

Книжки и иконы положили в сейф. На утро пришел начальник. Побеседовал. Приводит меня туда, где камеры, и говорит: эту людину ни одним словом не обижать. Она молится за всех нас. Говорю: мне будет скучно без дела. У них ремонт шел. Говорю: буду хотя бы полы мыть помогать. — Ну, если хотите, немножко помогайте, а так — молитесь и отдыхайте.

Великий пост. Пища с рыбой, жирами. Я — хлеб и воду. Начальник каждое утро заходит ко мне: ты умрешь от голода. А я ему отвечаю: нет. — Я хотя сахару прибавлю. Дежурному говорит: иди, купи ей салатик постный.

Приходит на Пасху: как самочувствие, Евфросинья? — Плохо. После такого поста нечем разговеться. Ни пасхи, ни яиц освященных.

На другой день вызвал: едем ко мне. Пасха освященная, яйца — все есть. Пусть соберут книги, иконы. Скажи — в больницу кладут.

Прихожу в камеру (а со мной бродяги сидели): куда? — В больницу. — Врешь. — Ну домой, — говорю им. Подняли бунт. Приходит начальник: что шумите? — Монашку отпускаете, а нас нет. — В больницу кладу, врач признал истощение. Вы все кушаете, а она хлеб и воду.

Такой скандал — не поехала. На третий день приносит дежурный кусок пасхи: Евфросиния, освященная, только тебе. Стою на коленях, читаю «Богородице». Начальник привел подполковника: это моя учительница молится. — Пусть молится на здоровье. Молитва — самый тяжелый труд.

На восьмой день после Пасхи повели в город фотографировать на паспорт. Сопровождавший пошел по своим делам, а я сфотографировалась и жду его. Идет дедушка, много цыбули зеленой несет: матушка, помолись, — дал много цыбули. Идет бабка: матушка, помолись, — дала пасху и восемь яиц красных. Пришли девчата: давайте разговляться.

Приходит начальник и спрашивает того человека, который в город водил: откуда она это взяла? — Не знаю, никуда не отходила. Схватился за голову и кричит: ай, ай, ай! Думал, что я такая святая, что Господь с неба спустил. Отсидела там двадцать три дня.

Наконец, начальник предложил: иди ко мне жить. Отдельная комната, кушать что хочешь, работать не надо. Молись, езди в Почаев. Говори, что ты моя родственница.

Я плакала — если бы ко мне так относились верующие, как милиция!

Кричала к Матери Божией, чтоб не забрал меня к себе. Буду стесняться молиться у него.

Почаев

Говорила проповедь на автобусной остановке. Подошел начальник паспортного стола. Забрал меня. Евангелие забрал, помянник, где тысячи три душ записано, иконочки маленькие, паспорт — семнадцать лет не прописана.

Сколько лет можно жить с таким паспортом? — До смерти. Апостол Павел говорит: государственные законы — для преступного мира, а если я стакан молока боюсь скушать, чтобы Господа не прогневать, то могу ли я сделать какое-либо преступление? — Ну, что мне с тобой делать? Посажу в автобус и отвезу в Броды. Я улыбаюсь: чушь говорит. — Нет, вот что сделаю: отвезу во Львов, положу в психбольницу. — Там больные на голову, а я совершенно здравомыслящий человек. — Посажу в тюрьму. — Я там буду молиться. — Вот что я сделаю: положу голову твою на порог и отрублю топором. — Мне десять лет уже открыто, что мне смерть такая предстоит. Стукнул крепко меня по плечу: молодец, ничего не боится. Помолись за меня.

Молюсь в храме на литургии. Рядом стоит приличный человек. Долго стоял, наклонился ко

мне: Евфросиния, я из милиции. — Ну и что? — Молись за всех, а то посажу.

Говорю проповедь возле храма. Подходит милиционер: бабка, ты там была? — и показывает на психбольницу. Если не перестанешь клеветать на советскую власть, то будешь. — Я против дьявола восстала, а не против советской власти.

Говорила проповедь в Почаеве — архимандрит Севериан разогнал народ, а меня за ворота прогнал, а на другое воскресенье вырвал Откровения.

На Петра и Павла говорила проповедь, монахи продали. В милиции семь часов сидела.

На монашеском кладбище поучала людей на спасение. Говорила: читайте «Богородице Деве». Кому по 150 раз, кому по 300 раз читать давала. Одна Тамара с Кавказа ночью с поклонами прочла триста раз. Легла спать, а Матерь Божия ей сновидение: она куда-то уезжает, ей надо идти на вокзал, а прежде как идти на вокзал, надо пройти две пропасти. К первой подходит — деревянная кладочка двадцать сантиметров ширины, налево упал — бездна, направо тоже, а возле кладки видимо и невидимо бесов. Говорит: Господи, они меня не пропустят, — а сестра ее, неверующая, уже упала в бездну. Подходит к кладке, а бес говорит: ну проходи быстрее, ты уже выписана из нашей книги. Богородицу,

мол, начала читать. А сестра уцепилась за юбку: Тamarочка, вытяни меня отсюда. Выпустили и ее. До другой кладки подходят, и там также пропустили. И вошли в город: белые хрустальные дома, каких нет на земле, и деревья, каких не видела. Триста раз прочитала и сатана выписал из своей книги. Встала, а Матерь Божия такую благодать послала, что ее поднимает от земли, и бесов, которые раньше мучили, не чувствует. Стоит и не знает, что с ней произошло, радуется. А три бабки-ведьмы злым духом узнали, подходят к ней и говорят: где ты была, мы тебя три дня ищем? — Была на кладбище. Там матушка поучала людей на спасение. Я пришла и вычитала ночью триста раз «Богородице Дево», и что мне Матерь Божия дала... А другая: ну расскажи, что Она тебе дала? Рассказала. Благодать сразу отошла, и приступили бесы — как раньше стали мучить.

На другую ночь встала и снова хотела читать Богородицу и вместо трехсот раз и три раза не могла прочитать. Прибежала на кладбище ко мне, плачет, рассказала. Я ее успокоила. Говорю: нельзя рассказывать. Не плачь, я помолюсь, и будешь молиться. Матерь Божия тебе рай показала. Будешь читать и войдешь в Царство небесное, и сестру неверующую приведешь.

На Вечерне читали канон Кресту, молилась со слезами. Избивали меня бесами страшно. Кровь лилась. А люди все уснули, только жен-

щина сидела. Батюшка говорит: что с ними? Женщина в ответ: они все спят. Я обернулась — действительно, кто лежа, кто сидя, кто на коленках. Только храп стоит.

Литургия в пещерном храме. Господь послал мне сильную молитву. Как пошли бесы из собора — ревели на разные голоса. Крыша дрожала, люди с литургии все выскочили на улицу. Это длилось минут пятнадцать. После этого ко мне отношение немного улучшилось.

Чадо мое Анна (со Святым Духом) спала под храмом (Троице), а там сидела женщина и читала черную книгу — умертвила ее. Я прихожу, а она холодеет уже. Прочитала три раза Киприянову молитву — вздохнула, еще над немощными и неспящими — поднялась.

Снова на меня обрушились батюшки: она уже святая, выше всех батюшек, мертвых воскрешает.

Бабки три раза делали страшную опухоль лица — пузыри лопались, и вода вытекала. Оно бы быстро прошло, но был крепкий мороз, а я жила в сарае и потому ходила три месяца.

Один раз было рожистое воспаление на ноге, а я не знала, что это. Купалась. Четыре месяца гнила нога. Если бы пошла с этим к врачам — отрезали бы.

Женщина из Кировограда прислала посылочку и канонник. Адрес ее я записала непра-

вильно: Кировская область, и через две недели письмо пришло назад. Поплакала, помолилась Царице небесной и снова так же подписала. И послала ей четыре письма и поздравительное — все получила. У меня в келье сидит научная сотрудница из Кирова. Я говорю: у меня есть женщина знакомая из вашей области, такого-то района. И в это время входит она. Говорю: вот и она сама. А она говорит: я не из Кировской, а из Кировоградской области. Письма и иконочки получила — все до одной на столе лежат. Письмо, адресованное в Киров, Матерь Божия послала по назначению — в Кировоград.

Келья на кладбище

Возле мирского кладбища храм св.Николаю сгорел. А там был подвал: три стенки каменные, четвертую из кирпича сложили. Прекрасная келья. Спала на земле.

Однажды сторож пришел пьяный — всяко оскорблял, ругался. Хозяйка бывшая пришла и (зимой) залила водой всю келью.

Сделали столик — одну ночь порадовалась. Сторож привел двух милиционеров — выломали дверь, меня забрали в милицию, книжки отобрали. Через два дня отдали.

Три раза все книжки украли. Думали, не буду молиться. А я упаду у Стопочки Матери Божией и кричу навзрыд: Матерь Божия, по чему молиться буду? Поднимаюсь, а люди кни-

жечки дают — никогда не покупала. За два года четырнадцать книг украли.

Кривой Рог

Пригласили в Кривой Рог. Прошли в собор. Вынос Животворящего Креста перед Успенским постом.

После Всенощной стала говорить проповедь о распятии Господа. Настоятель схватил за грудь: прекрати, я тебя задушу. Вырвал четки и стал бить, и крест хотел срывать. Люди, на ней и креста нет! — кричит. Покажи крест!

Я прижала крест к груди двумя руками. Кричит: зовите милицию сюда! А женщина, которая неоднократно приезжала к Амфилохию, увидела и узнала: матушка Евфросиния! А он кричит: не берите их ночевать, в милицию их! Люди кричат: это послушница схиигумена Амфилохия!

На следующий день пошла в другую церковь, а люди говорили — каюлся, просил прощения у всех. Я, говорит, всю ту ночь плакал и молился. Пусть придет — я отдам ей четки и прощения попрошу.

Исцеление рабы Божией Надежды, село Лосятин

Пришли к ней с Наташей. Женщина, пятьдесят три года. Вся распухла, опущение желудка, печень, почки, сердце. Вся больная. Год пьет только реденькую манную кашу, какую дают

новорожденному. Кушать ничего не может. Лежала четыре месяца в больнице. Врачи сказали: ничем помочь не можем.

Прочла молитву «Перед началом всякого дела». Говорю: Господи помилуй, Господи помилуй, Господи помилуй. Владыко, благослови рабу Божию Надежду покушать всю трапезу, которая сварена сегодня (большая семья).

На первое был борщ постный. — Наливай миску. Налила. — Кушай с хлебом. На второе — пюре картофельное. — Ставь миску. Сделала. К картошке потеряла большой соленый огурец и много лука. — Кушай. Съела и компот выпила. — Ничего не болит? — Нет. — А теперь молись, благодари Господа и Царицу небесную.

Как стала бить поклоны — сорок раз «Отче наш», сто пятьдесят «Богородице Дево», а сама плачет от радости. Семья уверовала. Дала молитвенник.

Дочь молодая, с мужем разошлась (пил), остался ребенок шести лет. Стала читать сорок раз «Отче наш» и сто пятьдесят раз «Богородице», и Иисусову молитву непрестанно. Через несколько месяцев вышла замуж за хорошего человека.

Хозяин в Почаеве, где жила двенадцать лет в сарае, построил двухэтажный дом, а сарай возле дороги, говорит, портит вид: буду валить его. Нас выгнал. И вот четыре года повалить не может. Там вся земля залита моей кровью и сле-

зами. Четыре года как построил, все есть, обстановка, посвятил, а перейти жить не могут. Живут в развалюшке. Вот в 1985 году пошел валить сарай, пробил ногу ржавым толстым гвоздем. Лежал несколько дней. Встал, поехал на мотоцикле — разбился.

5 августа 1985 г. на праздник Матери Божией Почаевской. Говорила проповедь. Народу много, слушали и плакали. Пришел монах, стал разгонять людей, а меня шурал и бил, пхнул с лестницы. Катилась по всем ступенькам, а потом лежащую бил по голове и спине, а мне не больно — за Господа ведь.

Содержание

Предисловие	3
I. ЖИТИЕ СВ. ЕВФРОСИНИИ	7
II. Блаженный Иоанн о своей духовной наставнице	47
Круглосуточная жизнь Духом Святым	49
О святая мать, я бы говорил о тебе еще и еще	59
Памяти Евфросинии	91
Старица Евфросиния, какой я ее знал в земные дни	111
III. Самые последние откровения блаженной Евфросинии, публикуемые впервые	117